

Лю Хун
Далянь, КНР**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

АННОТАЦИЯ. Проблема границ и сущности политического дискурса рассматривается в статье в свете возможностей реализации данного типа дискурса в условиях художественного текста. Автор отрицает формально-жанровую ограниченность понятия «политический дискурс», рассматривает спектр точек зрения в отношении границ категории «политический дискурс», прослеживает роль концепции «политического сознания» в решении данного вопроса и доказывает потенциал интеграции политического и художественного типов дискурса. Кроме того, подробно разбираются черты сходства двух указанных типов дискурса, а также возможности их взаимопроникновения. Применительно к последнему случаю отмечается, что эффективность идейно-эмоционального воздействия политического послания в художественном тексте может быть значительно выше, чем в собственно политическом тексте. Утверждая возможность рассмотрения категории «политический дискурс» на материале любых текстов, автор статьи прослеживает попытки современных исследователей определить точки соприкосновения политического дискурса с другими дискурсивными типами. Отдельное место уделяется вопросу функционирования политических идей в художественном тексте, а также анализу понятия «идейности», при этом постулируется важность идейности художественного дискурса как обязательного условия его адекватной интерпретации. Рассматривается проблема многомерности реализации политических идей в художественных текстах с учетом их сложных взаимоотношений с личностными характеристиками автора, авторской интенцией, художественным контекстом и другими факторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическое сознание; художественный дискурс; художественные тексты; политические идеи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Хун, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков; заместитель начальника Руководящего подкомитета по специальности «Русский язык» при Министерстве образования КНР, начальник секретариата Руководящего подкомитета; Даляньский университет иностранных языков (КНР, провинция Ляонин, г. Далянь); 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, район Люйшуньюкоу, ул. Люйшуньнаньлу-сидуань, 6; e-mail: lhlhf0140@163.com.

1. Границы понятия «политический дискурс» в системе современного гуманитарного знания

Все последние десятилетия прошли под знаменем расширения содержания понятия «дискурс» до максимально возможного объема, под знаменем превращения данного понятия из строго филологического в общегуманитарное. Дискурс в современной системе гуманитарного знания понимается как язык, спаянный с контекстом определенной сферы действительности, как языковые средства, организованные в соответствии с моделями (структурами), присущими определенным сферам общественного бытия [Арутюнова 1999; Кубрякова 2005]. Столь расширенное толкование понятия «дискурс», с одной стороны, правомерно, поскольку позволяет реализовать высокий методологический потенциал дискурсивного анализа на общегуманитарном поле, но, с другой стороны, одновременно возникают закономерные сложности в определении таких понятий, как, например, «политический дискурс». Вопрос о границах понятия «политический дискурс» и о его отношениях с другими типами дискурса является в высшей степени дискуссионным и закономерно становится объектом отдельных обширных исследований (из последних работ такого рода необходимо отметить работу Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкой [Перельгут, Сухоцкая 2013]). Для многочисленных исследований в указанном направлении мы можем отметить стремление авторов сузить, конкретизиро-

вать понятие «политический дискурс», выделить его ключевые, системообразующие характеристики, четко обозначить его содержательные границы.

В работах российских исследователей такая конкретизация нередко сводится к идее «политический дискурс есть язык политиков», т. е. к ограничению функционирования политического дискурса сферой политической коммуникации, в которой одним из коммуникаторов обязательно является участник политической деятельности. Так, например, С. Н. Плотникова [Плотникова 2005] предлагает выделять политический дискурс, порождаемый политиками, и политический дискурс, представляющий собой реакцию неpolitиков на высказывания политиков. А. В. Рыбакина отмечает, что сутью политического дискурса является осуществляемое политиками манипулирование сознанием народных масс [Рыбакина http]. Существуют ученые, пытающиеся в качестве системообразующих черт политического дискурса выдвинуть его языковую специфику; так, в частности, Е. И. Шейгал утверждает, что «политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций различных типов языковых единиц и речевых действий» [Шейгал 2004].

Кроме того, достаточно распространенной является идея о том, что политический дискурс имеет жанровые границы. Так, в частности, в отдельных исследованиях [Карасик 2000; Чудинов 2006] выделяется набор жанров (политические документы,

© Лю Хун, 2017

парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политиков, публицистические статьи политической направленности, научные тексты о политике и т. п.), составляющих поле функционирования политического дискурса. Наиболее подробно данный вопрос разрабатывается в исследовании Т. А. Дедушкиной «Жанровое пространство политического дискурса» [Дедушкина 2011]: автор утверждает, что в системе политического дискурса существуют центральные жанры (они непосредственно связаны с борьбой за власть: парламентские дебаты, речи политиков, предвыборная агитация) и периферийные жанры (юридические документы, научные тексты по политологии и т. п.).

Отметим, что в англоязычной научной традиции, где и зародилось понятие «политический дискурс», существует гораздо большая свобода в его трактовке. В фундаментальной работе Л. Филипс и М. Йоргенсен «Дискурсивный анализ как теория и метод» [Jorgensen, Philips 2002] указывается на связанность политического дискурса с сетью смысловых узлов (nodal points) политической сферы, например, таких понятий, как «власть», «народ», «государство», «свобода» и т. п. Таким образом, важнейшей системообразующей чертой политического дискурса провозглашается не его формально-языковая или функционально-жанровая сторона, а его содержательное наполнение. В работе «Что такое анализ политического дискурса?» [van Dijk 1997] Т. ван Дейк справедливо указывает на невозможность ограничивать категорию политического дискурса исключительно сферой политической деятельности. В более поздней работе [van Dijk 2002] этот же автор отбрасывает уже рассмотренное нами узкое понимание «политический дискурс есть язык политиков» и приходит к расширительной трактовке данной категории, в числе ее системообразующих характеристик называя элементы «политического сознания» (политические знания, взгляды и идеологические установки) [van Dijk 2002]. Это позволяет оперировать понятием «политический дискурс» при анализе любого речевого акта, в котором затрагиваются (прямо или опосредованно) «элементы политического сознания»: как дружеской беседы о политике или политически окрашенных комментариев интернет-пользователей, так, например, и стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» или поэме А. А. Блока «Двенадцать». Жанровые и формально-языковые границы политического дискурса, таким образом, носят достаточно условный характер. На наш взгляд, именно при такой расширительной трактовке удастся добиться

ясности в понимании концепта «политического дискурса», сохраняя широкие возможности для применения анализа политического дискурса вне рамок строго определенных жанров общественно-политических текстов публицистического стиля.

Высказанное мнение созвучно идеям А. П. Чудинова, изложенным в работе «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [Чудинов 2003], которая стала отправной точкой для многочисленных теоретических изысканий в сфере политической лингвистики. Автор указывал на невозможность ограничения категории политического дискурса рамками анализа политических текстов, относя к системообразующим характеристикам политического дискурса взаимодействие политического текста с многообразием языковых, культурологических, социальных, экономических, национальных и иных факторов.

Кроме того, нам встречались работы [Chadwick 2000; Fetzer, Weizman 2006], в которых понятие «политический дискурс» (political discourse) тесно связывается со смежными понятиями «публичный дискурс» и «гражданский дискурс» (public discourse, civil discourse), при этом системообразующей характеристикой политического дискурса выступает не только его политическое содержание, но и публичная адресованность, направленность на широкую аудиторию, с чем связана проблема строгого отбора допустимых языковых единиц (так называемая проблема «политической корректности»). Данный подход указывает, сколь велик потенциал применения понятия «политический дискурс» и сколь контрпродуктивно сводить его лишь к речам политиков, представляющим собой публицистические тексты.

Мы, вслед за процитированными авторами, полагаем, что понятие «политический дискурс» не следует пытаться определять в жесткой связи ни с конкретными категориями языка (политические термины, политический лексикон, политический язык), ни с категориями речи (политические жанры, публицистический стиль). Мы предлагаем рассматривать категорию «политический дискурс» с учетом следующих идей:

- 1) политический дискурс представляет собой категорию, актуальную для всех сфер гуманитарного знания, следовательно, его понимание не может ограничиваться исключительно филологическими параметрами. Принципиальное значение в анализе политического дискурса имеет широкий охват всех сфер гуманитарного знания, принятие всего разнообразия гуманитарного методологического аппарата;

2) политический дискурс представляет собой сложную, многостороннюю категорию, которую не следует сводить лишь к одной ее стороне: формальной, содержательной, функциональной, коммуникационной и т. п. Именно рассмотрение политического дискурса как системного явления позволяет преодолеть онтологическую аморфность и неопределенность данного понятия;

3) политический дискурс представляет собой не только самостоятельный объект исследования, но и является эффективной методологической категорией, позволяющей, в частности, успешно выявлять связи между внеязыковыми элементами политического сознания (философскими, политологическими и социально-психологическими категориями) и формами их языковой реализации.

Еще на заре исследований понятия «политический дискурс» было высказано интересное мнение А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1991], предлагающих считать политическим любой публичный дискурс, поскольку любое использование языка, направленного на массовое восприятие, предполагает целенаправленное воздействие на адресата и формирование его субъективного отношения к той или иной ситуации.

В предлагаемой работе мы будем придерживаться именно такого, предельно расширительного, системного понимания категории «политический дискурс». В русле проводимого нами исследования в первую очередь интерес представляет проблема реализации политического дискурса в ткани художественного текста. В этой связи перед нами встает необходимость сопоставить категории политического и художественного дискурса — последняя, к сожалению, до сих пор находится на периферии исследовательского внимания.

2. Политический и художественный типы дискурса: проблема разграничения и возможности взаимопроникновения

В уже цитировавшемся исследовании Т. А. Дедушкиной [Дедушкина 2011] перечисляется ряд жанров, в которых политический дискурс сочетается с художественным: речь идет о политическом детективе, политической поэзии, политических мемуарах. Вместе с тем в упомянутой нами работе Н. М. Перельгут и Е. Б. Сухоцкая [Перельгут, Сухоцкая 2013] выражают сомнение в правомочности ассоциирования данных жанров с категорией политического дискурса, ссылаясь на то, что указанные жанры «отражают реальную действительность через призму художественного вымысла». Авторы указыва-

ют и на то, что в художественной литературе теряется универсальность политического дискурса, т. е. его способность проникать во все сферы жизни. Мы не можем согласиться с таким утверждением; его ограниченность, как нам представляется, состоит в недостаточно ясном понимании феномена «политического сознания» (political cognition), через который и раскрывается сущность политического дискурса. Политическое сознание, безусловно, связано с политическим бытием (реальными политическими процессами, борьбой за власть и т. п.), но связь эта носит достаточно сложный характер. В уже рассмотренной нами работе А. П. Чудинова прагматическая сущность политических текстов раскрывается следующим образом: «Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2003: 8]. Универсальность категории «политический дискурс», по нашему убеждению, как раз и состоит в способности приобретать самые разнообразные формы речевого выражения, позволяющие распространять политические идеи (элементы «политического сознания») вне зависимости от реалий политического бытия. Так, в первой половине XIX в. свободолюбивая лирика А. С. Пушкина и К. Ф. Рыльева была гораздо более включенным (т. е. распространенным в обществе, актуальным для массового сознания современников) и эффективным (об этом критерии оценки политического дискурса речь пойдет ниже) вариантом политического дискурса, чем, скажем, официальные декларации декабристов. В эпоху СССР политический дискурс антисоветской направленности вообще не мог функционировать в институциональных жанрах (например, в жанре политического выступления или интервью), но он прекрасно функционировал, скажем, в прозе А. И. Солженицына или, в еще более выраженной форме, в устном жанре политического анекдота. Указанные соображения заставляют нас усомниться в правомочности категорического разделения понятий «художественного осмысления действительности» и «политического дискурса» и отрицания возможностей их объединения.

Попробуем построить следующую цепочку умозаключений: автор художественного произведения, прибегая к характерным для беллетристики средствам, создает художественный дискурс, обладающий набором характерных специфических черт (в

частности, воздействующий непосредственно на «духовное пространство читателя» [Самарская, Мартиросьян 2012], «пробуждающий рефлексию в виде духовных сущностей» [Галеева 1999: 16] и т. п.). Приведенные примеры определений художественного дискурса не исключают, что в его рамках могут транслироваться и такие идеи автора, которые Т. ван Дейк относит к категории «политического сознания» (политические оценки, взгляды, убеждения). В данной ситуации между политическим компонентом содержания текста и его собственно художественной стороной складываются сложные отношения, имеющие черты комплементарности и глубинной интеграции. Нам представляется очевидным, что идеологическое наполнение художественного произведения не отрицает его эстетической значимости и не ослабляет его культурного значения (в качестве примеров можно привести заслужившие общемировую славу романы Э. Л. Войнич «Овод» и Н. А. Островского «Так закалялась сталь»). Одновременно художественная форма произведения, его апеллирование к общечеловеческим духовным ценностям не может скрыть, полностью растворить в себе политических идей автора. Вместе с тем вопрос о примате художественного или политического начала в тексте, вопрос об их возможном конфликте или, напротив, бесконфликтном сосуществовании остается открытым и требует отдельного пристального изучения.

Мы полагаем закономерным факт появления научных исследований, вызванных к жизни потребностью соотнести друг с другом категории «политический дискурс» и «художественный дискурс». В одном из них [Юркевич 2014] В. В. Юркевич предлагает провести границу между двумя указанными категориями на функциональном уровне: художественный дискурс нацелен на эстетическое воздействие, в то время как политический дискурс ориентирован на суггестивное воздействие, на убеждение адресата в правильности тех или иных политических идей. В другом исследовании [Гуляева 2009] Т. В. Гуляева указывает на то, что принципиальная разница лежит в плоскости выбора языковых средств (нестандартных и ярких для художественного дискурса и стереотипных для политического). В какой-то степени оба автора, безусловно, правы, однако столь пунктирное обозначение сложных взаимоотношений между двумя типами дискурса, на наш взгляд, представляет проблему в слишком упрощенном свете. Приведем следующий несложный пример: некий молодой человек, прочитав роман Максима Горького

«Мать», ощутил резкую необходимость в определении собственной гражданской позиции, задумался о вступлении в партию. Что в большей степени привело к подвижкам в его сознании: социалистические идеи писателя или гигантская убедительная сила горьковского реализма и гуманизма? Ответ на этот вопрос невозможно дать, проводя границы между политическим и художественным дискурсом в одномерном порядке, например, как функциональные или формально-языковые. Очевидно, что оба типа дискурса обладают потенциалом к слиянию, к формированию дискурса комплексного типа со сложной системой внутренних взаимоотношений между художественным и политическим началами.

В упомянутых нами исследованиях В. В. Юркевича и Т. В. Гуляевой авторы указывают и на наличие объективных черт схожести политического и художественного дискурсов. К таким чертам они относят внутреннюю напряженность и динамизм повествования, позволяющие поддерживать внимание аудитории, а также размытость границ между объективным и субъективным, реальным и вымышленным мирами («миром реальным» и «миром ментальным»). Точки соприкосновения находятся и в самой сущности деятельности политика и писателя: оба они порождают символическое пространство, производят идеологические, ценностные, нормативные коннотации.

Т. В. Гуляева, анализируя связь двух данных типов дискурса с категорией архетипического, отмечает, что политический дискурс во многом родствен фольклорной литературе с ее мифологическими сюжетами, архетипическими персонажами и четким разграничением базовых культурных оппозиций «добра» и «зла». К сожалению, данная идея озвучивается у автора лишь вскользь, в то время как в ней заложен значительный потенциал к развитию. Сама широта понятия «дискурс» и размытость его границ зачастую мешают взглянуть на данную категорию в диахроническом разрезе; между тем необходимо признать, что и художественный, и политический типы дискурса прошли сложный эволюционный путь от неких базовых, исходных форм к сложным, современным, многовариантным образцам. Речь современного политика значительно отличается от речи Цицерона, текст современного писателя мало похож на текст древнерусской былины или китайского мифа. Но на уровне исходных форм, в своих исторических истоках художественный и политический дискурс, произрастающие из общего корня национальной культуры и языковой картины

мира, были очень близки (по крайней мере, значительно ближе, чем на современном этапе). Иллюстрации приведенному доводу можно найти на протяжении всего исторического пути развития русской культуры. Так, например, А. А. Юнаковская [Юнаковская 2015], анализирувшая русский политический дискурс XVIII в., видит его основную функцию в формировании положительного имиджа императорской власти, в трансляции идеи превосходства правителя над массой, в формировании бинарной оппозиции «превосходство» — «подчинение». Мы с легкостью можем указать произведения русской литературы XVIII в., которые строятся на основе утверждения (оды М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского) или отрицания (книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву») этой концепции. Установление в русском политическом дискурсе 1860-х гг. бинарной оппозиции «умеренный либерализм» — «революционная демократия» аналогичным образом прослеживается в русской художественной литературе пореформенной эпохи (И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский и т. п.).

Современные художественные и политические тексты, вобравшие в себя опыт развития дискурсивных практик русской культуры, предстают в огромном многообразии форм, но обязательно обнаруживают генетическую связь со своими историческими первоосновами. Именно это позволяет объяснить, почему при сравнении художественного и политического дискурса отмечаются и заметные черты сходства, и, казалось бы, несовместимые различия.

Анализ отдельных черт политического дискурса также может дать плодотворные результаты в прослеживании связи между политическим и художественным дискурсом. К этой идее нас привела работа В. З. Демьянкова [Демьянков 2002], в которой большое внимание уделяется анализу проблемы «эффективности политического дискурса». Данная эффективность оценивается в той степени, насколько автору дискурса удается воздействовать на свою аудиторию: убеждать, мотивировать, побуждать к намерениям и действиям. Подчиняясь требованиям эффективности, автор-создатель политического дискурса далеко не всегда ограничивается стройными логическими построениями (что резко отличает политический дискурс от научного), но прибегает к широкому спектру мер психологического воздействия, что роднит политический дискурс с публицистическим и художественным. Вместе с тем эффективность политического дискурса определяется не только усилиями автора:

существует ряд факторов, связанных с установками адресата, с его готовностью воспринимать направленные на него политические послания. В. З. Демьянков справедливо утверждает, что восприятие политического дискурса может быть положительным, пассивным и отрицательным (связанным с сопротивлением). Развивая данную мысль в русле логики нашего исследования, мы полагаем, что направленность восприятия политического дискурса находится в непосредственной связи с условиями, в которых данный дискурс реализуется. Так, например, адресат может иметь нейтральное отношение к той или иной политической идее, но проявлять психологическое сопротивление в отношении личностей политиков, политических групп или политической жизни в целом; иными словами, политический дискурс в институциональных формах (предвыборная агитация, публичные выступления политиков и т. п.) может вызывать у него активное сопротивление вне зависимости от сущности транслируемых идей. В описываемой ситуации именно формально-жанровые признаки «классического» политического дискурса — лозунговые клише, диалогичность, декларативность, возвышенно-эмоциональная лексика и т. п. — выступают в роли своего рода «антигенов», запускающих механизм отрицательной эмоциональной реакции адресата и снижающих эффективность политического дискурса.

Восприятие политических идей, высказанных в условиях художественного дискурса, развивается на основе иных психологических механизмов. Природа данного восприятия сложна, но мы отметим две важные ее характеристики. Во-первых, форма и содержание художественного текста представляют собой органичное диалектическое единство; формальная сторона художественного текста сама по себе, как правило, не является источником отрицательной психологической реакции адресата. Во-вторых, эстетическое воздействие художественного текста является фактором, однозначно повышающим эффективность художественного дискурса в плане эмоционального воздействия на адресата. Таким образом, художественный дискурс может стать средством повышения эффективности политического дискурса.

Сделанные нами замечания демонстрируют настолько много точек соприкосновения художественного и политического дискурсов, что правомерно говорить о возможности прямой интеграции разнородных дискурсивных элементов, об их потенциале к слиянию в синтетический тип дискурса,

не обнаруживающий серьезных внутренних противоречий. К аналогичным заключениям приходят и некоторые российские исследователи, в частности, Е. Ю. Глотова [Глотова 2008] со всей убедительностью утверждает в научном обиходе термин «художественный политический дискурс», выделяя в данном понятии сложную внутреннюю связь между текстовой составляющей, временным фоном и социально-политическим контекстом. Исследователь предлагает следующее рабочее определение для вводимого термина: «...художественный политический дискурс есть совокупность авторских текстов, посвященных определенному объекту политической реальности, в основе которых лежит политический сюжет» [Там же: 157]. К сожалению, предлагаемое определение представляется нам несостоятельным. Художественная практика дает примеры немало числа произведений, не имеющих прямой связи с объектами политической реальности и не имеющих политических сюжетов, но очевидно транслирующих политические идеи («Записки охотника» И. С. Тургенева, поздняя проза Л. Н. Толстого, сатирические рассказы М. А. Булгакова, многочисленные лирические стихотворения, например, «Анчар» А. С. Пушкина или «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова и т. п.). Во всех перечисленных произведениях мы наблюдаем ту или иную степень взаимопроникновения политического и художественного дискурса.

Конструктивный подход к возможностям взаимопроникновения художественного и политического типа дискурсов мы обнаруживаем в работе А. В. Кубасова, посвященной анализу такого рода отношений на материале интернет-текстов Владимира Сорокина [Кубасов 2012]. Анализируя интересующий его корпус текстов, ученый отмечает их свободу от каких-либо заранее заданных жанровых или стилистических норм, а также «кентавричность» их дискурса, т. е. гармоничное взаимопроникновение художественного начала и политической публицистичности. К сожалению, в данной работе А. В. Кубасов не поднимается до широких теоретических обобщений о сущности и формах бытования дискурсивного синтеза, однако описанный им метод «иллюстрирования» политических проблем средствами художественной литературы, безусловно, заслуживает внимания и дальнейшего рассмотрения.

Возвращаясь к необходимости теоретического обоснования отношений между политическим и художественным видами дискурса, мы предлагаем рассмотреть пять ключевых направлений, по которым на

уровне отдельных литературных произведений может проходить взаимопроникновение элементов этих дискурсов.

1. Оба типа дискурса кодируются и декодируются на основе системы сложных взаимоотношений между порождаемым текстом и окружающим его контекстом. Малейшие колебания в социально-политическом и культурно-художественном контекстах вызывают не прямые, но достаточно существенные изменения в дискурсивных системах, в которые вовлекаются и авторы, и аудитория.

2. Оба типа дискурса связаны с конструированием символической реальности, носящей вымышленный характер, создаваемой творческими усилиями автора и имеющей черты привлекательности для аудитории. Указанная привлекательность носит сложный, многоаспектный характер и для политического дискурса не ограничивается его убедительностью, а для художественного дискурса — эстетической ценностью и образностью.

3. В процессе реализации содержательные компоненты обоих типов дискурса приобретают смысловые приращения (по определению Б. А. Ларина, «обертоны смысла»). Возникновение новых смыслов может быть как результатом взаимодействия языковых единиц внутри текста, так и результатом влияния экстратекстуальных факторов (современного состояния дискурса, социально-политической обстановки, личностных особенностей автора).

4. Оба типа дискурса предполагают включенность текстов в сложную систему интертекстуальных отношений. Интенсивно вбирая в себя «тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт 1989: 41], описываемые типы дискурса в примерно равной степени базируются на обширных интертекстуальных связях, обеспечивающих эффективную и доступную трансляцию политических и художественных идей.

5. Оба типа дискурса всегда заключают в себе значительный пласт имплицитной информации, полнота восприятия которой зависит от усилий, фоновых знаний и психологических установок адресата. Кодирование имплицитной информации в обоих типах дискурса зачастую носит произвольный, естественный характер, поскольку порождается их символическостью и метафоричностью.

Данные направления, по нашему убеждению, составляют совокупность системообразующих характеристик синтетического дискурсивного типа, в котором политическое и художественное начала составляют гармоничное целое.

3. Статус и особенности функционирования политических идей в условиях художественного дискурса

Ведя речь об особенностях реализации тех или иных политических идей в условиях художественного дискурса, мы должны строить свои рассуждения на основании общих теоретических представлений о сущностных характеристиках идейно-смыслового содержания художественного текста и принципах его понимания и интерпретации. Литературоведение накопило достаточный багаж теоретических исследований в отношении такого опорного понятия, как «идея художественного произведения», однако нельзя сказать, что все ученые трактуют это понятие одинаково. Так, в частности, предпринимаются регулярные, но достаточно неудачные попытки удалить данное понятие из научного лексикона литературоведов. Мы должны указать на нецелесообразность и даже на некоторую наивность отказа от этой основополагающей категории, поскольку художественный дискурс немыслим без идейного наполнения, а «порождение текста прежде всего связано с порождением смысла в широком значении» [Земская, Качесова, Комиссарова, Панченко, Чувакин 2010: 145].

Необходимо обозначить две противоположные точки зрения на саму сущность идеи (смыслового комплекса), передаваемой автором средствами художественного текста и часто определяемой как «художественный (авторский) замысел». Представители одной позиции [Бахтин 1979; Абрамович 1979] признают существование такого замысла в том или ином виде и указывают на важность его понимания при восприятии и истолковании художественного текста, представители же другой [Барт 1989; Кристева 2004] либо полностью отрицают само его наличие, либо считают его несущественным. Если говорить об авторском замысле как о совокупности, точнее о пронизанных внутренними связями представлениях (в том числе и мировоззренческих, этических, политических и т. п.) автора, выраженных в художественном произведении, то сам факт признания или непризнания наличия этой категории полностью определяет концептуальные основы понимания художественного произведения. В истории развития литературоведческой мысли данная теоретическая проблема нашла выражения в противопоставлении принципов «идейности» и «чистого искусства», воплощающих полярно различное понимание глубинных основ художественного творчества.

Категория идейности получила серьез-

ную теоретическую разработку в русле марксистской эстетики [Климович 1985; Булдаков 1978]. Идейность художественного произведения утверждается как общий и центральный критерий его качества, включающий следующие стороны:

- 1) философскую, социальную, политическую или этическую значимость произведения;
- 2) авторскую сознательность (определенность в приверженности той или иной идеологической позиции);
- 3) идеологическую тенденциозность (прямое последовательное утверждение или отрицание той или иной идеи);
- 4) правдивость художественной идеи, передаваемой автором.

Вне теоретического поля марксистской эстетики вполне имеет право на существование упрощенное понимание идейности художественного текста как наличия в нем идеологического начала любого рода. Отсутствие идейности (в советской критике получившее стигму «безыдейности» или «формализма»; оба термина однозначно указывали на невозможность существования такого произведения в художественном пространстве социалистического реализма) стало основой для целого ряда художественных направлений, представляющих искусство как самоцель и стремящихся полностью отграничить художественный текст от автора, от связей с внетекстовой действительностью. С позиций «чистого искусства», истинным творчеством является лишь творчество, свободное от политических идей, социальных требований и дидактизма. В собственно художественной практике провозглашение какого-либо художественного факта «чистым искусством», как правило, оказывается сознательной или невольной мистификацией, часто прикрытием непопулярной в данный момент тенденции. Хотелось отметить, что «идея чистого искусства» — это тоже вид художественной идеи и осознанная позиция автора.

Как бы то ни было, с позиций современной науки, оба рассмотренных принципа не лишены недостатков: предельно пафосные, они излишне абсолютизируют предлагаемый подход, лишая огромные пласты художественного творчества права считаться подлинным искусством. Достаточно наивно подходить к шедеврам постмодернизма с мерками социалистического реализма, не менее наивно пытаться оценить значимость шолоховского шедевра «Тихий Дон», исключая его богатейшее идейно-политическое содержание. Тем не менее категорию «идейности», по нашему глубокому убеждению, не следует списывать в методологический ар-

хив. Мы предлагаем обновленную трактовку данного понятия, лишая его всевозможных оценочных смыслов и понимая его строго как направленность художественного дискурса на трансляцию авторских посланий, выходящих за рамки эстетического воздействия. В таком виде категория «идейности» вполне может использоваться в русле дискурсивного анализа, что возвращает нас к кругу проблем, связанных с особенностями функционирования идей, в том числе политических, в условиях художественного дискурса.

Мы исходим из следующей посылки: именно идейность художественного дискурса является обязательным условием его адекватной интерпретации. В этом отношении мы не можем не согласиться с Н. А. Николиной, которая отмечает, что «адекватная интерпретация художественного текста, даже если его филологический анализ не выходит за пределы текстовой данности, не может не учитывать авторскую позицию, или авторскую модальность, так или иначе выраженную в произведении» [Николина 2003: 167]. По словам В. Е. Хализева, «автор дает о себе знать прежде всего как носитель того или иного представления о бытии и его феноменах» [Хализев 2002: 71]. Известный российский литературовед указывает, что художественная идея, присутствующая в художественных произведениях, т. е. транслируемая автором в рамках художественного дискурса, включает в себя как направленную интерпретацию и оценку автором определенных жизненных явлений, так и воплощение философического взгляда на мир в его целостности, которое сопряжено с духовным самораскрытием автора [Там же: 72]. Отметим, что художественный дискурс как среда такого духовного самораскрытия автора отличается отсутствием внутренних препятствий для выражения авторских идей. Если, скажем, научный дискурс в силу имманентной объективности и логичности является неблагоприятной средой для трансляции политических идей, то художественный дискурс, обладающий, как мы отметили выше, многочисленными чертами схожести с политическим дискурсом (имплицитностью, субъективностью, эмоциональностью, символичностью и т. п.), может формировать единый функциональный комплекс, гармонично объединяющий эстетическое, суггестивное и идеологическое воздействие на адресную аудиторию.

Функционирование политических идей в художественном дискурсе, безусловно, резко отличается от такового в текстах институциональных политических жанров. Принци-

пиально важным отличием является более сложный характер преломления политической идеи через призму личностных характеристик автора. Так, в политическом выступлении или интервью трансляция политических идей, как правило, жестко детерминирована авторской интенцией: политик имеет полный осознанный контроль над возможностями выражения, усиления, смягчения или замалчивания тех или иных политических идей.

В художественном дискурсе ситуация иная. Проявление тех или иных представлений автора в художественном тексте может быть как сознательным (прямая реализация авторского замысла), так и неосознанным. То есть автор может транслировать определенные идеи и представления, выпуская их из-под сознательного контроля, например, не считая их существенными, однако, учитывая двусторонний характер художественного дискурса, данные идеи неизбежно улавливаются аудиторией, вызывая ту или иную реакцию. Другими словами, авторский замысел, т. е. комплекс смыслов, регулируемый авторской интенцией, далеко не всегда тождествен идейному содержанию произведения в том виде, в котором оно формирует художественный дискурс. Указанная нами нетождественность, в силу имманентных особенностей художественного дискурса, может быть выражена в различной степени, вплоть до абсолютного противоречия. Данная особенность художественного дискурса находит отражение в исследованиях многих филологов. Так, А. И. Николаев говорит о принципиальном различии «авторской идеи» и «идеи текста», приводя в пример знаменитую «Марсельезу», ныне государственный гимн Франции («Марсельеза» не создавалась как художественное произведение; она была написана офицером Руже де Лиллем как походная полковая песня без претензий на художественную самостоятельность) [Николаев 2011], Н. С. Валгина различает «прагматическую установку текста» и «прагматическую установку автора» [Валгина 2003: 62], а В. Е. Хализев вводит в научный обиход понятие «непреднамеренного в искусстве», отмечая, что в произведениях искусства «неизменно присутствует нечто запредельное взглядам и творческим намерениям их создателей» [Хализев 2002: 74]. Соответственно политические взгляды автора художественного произведения в одних случаях могут выражаться прямо и определенно, являясь составной частью авторского замысла, а в других случаях могут восстанавливаться читателем по тем или иным косвенным признакам, возможно даже

вопреки желанию или ожиданиям автора.

Ведущую роль в формировании данного диссонанса идей и интенций, по нашему убеждению, играют системообразующие характеристики художественного дискурса (художественная форма, образный строй, авторская интонация). Так, например, в романтическом произведении М. Горького «Песня о Буревестнике» политическое послание автора явственно воспринимается читателями даже в условиях полного отсутствия элементов политической лексики; восприятие «Песни о Буревестнике» как политического послания усиливается образным строем стихотворения (образы грозы, бури, ветра закрепились в истории литературы как типические образы революционного обновления) и эмфатическими конструкциями («Пусть сильнее грянет буря!»), сходными по форме с политическими лозунгами. В конечном итоге функциональный баланс между художественным и политическим дискурсом в данном произведении стремительно склоняется в сторону политического, что явно не соответствует авторскому намерению. В другом примере, поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах», политическое послание выражено прямо и недвусмысленно, но футуристическая форма произведения с его развернутым символизмом и гипертрофированной метафоричностью склоняют чашу весов в сторону художественного дискурса: политические взгляды Маяковского в поэме как будто растворяются в ее общем звучании, в значительной степени замкнутом на личностном самовыражении автора. Таким образом, политическое и художественное начало в художественном произведении, отмеченном чертами политической идейности, находятся в состоянии динамического неравновесия, при этом авторские возможности регулирования приоритета того или иного начала ограничены самой сущностью художественного дискурса, его неразрывной связью с читательским восприятием и внетекстовой действительностью.

Впрочем, вышесказанное касается не только политических идей. Политическое идейное направление в плане реализации в художественном дискурсе в целом укладывается в приведенную нами систему закономерностей, характерных для функционирования философских, этических, эстетических или других идей. Авторская идея может транслироваться в форме прямого авторского высказывания либо в скрытой форме — в структуре художественного произведения: в сюжете, системе персонажей, композиции и т. п. Несомненно, значительные в этом смысле различия будут в прозаических и

поэтических текстах, в эпических, лирических и драматических жанрах, в реалистических и нереалистических произведениях. Например, в таком крупномасштабном эпическом полотне, каким является роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», политические идеи выражаются многомерно, пронизывая и систему персонажей, и пространственно-временную организацию текста, проявляясь в особенностях развертывания фабулы и т. п. Не случайно А. И. Николаев, рассуждая о важности анализа логики фактов при рассмотрении особенностей реализации авторской идеи, делает это на примере «Тихого Дона»: «...важно учитывать, какие факты реальной жизни выбирает автор для создания своего произведения. Часто сам этот выбор фактов может стать весомым аргументом в разговоре об авторской идее. Ясно, например, что из бесчисленных фактов гражданской войны писатели, симпатизирующие красным, выберут одно, а симпатизирующие белым — другое. Здесь, правда, нужно помнить, что крупный писатель, как правило, избегает одномерного и линейного фактического ряда, то есть факты жизни не являются „иллюстрацией“ его идеи. Например, в романе М. А. Шолохова „Тихий Дон“ есть сцены, которые сочувствующий Советской власти и коммунистам писатель, казалось бы, должен был опустить. Скажем, один из любимых шолоховских героев коммунист Подтелков в одной из сцен рубит пленных белых, чем шокирует даже видавшего виды Григория Мелехова. В свое время критики настоятельно советовали Шолохову убрать эту сцену, настолько она не вписывалась в **линейно** понятую идею. Шолохов в один момент послушался этих советов, но потом, вопреки всему, вновь ввел ее в текст романа, поскольку **объемная** авторская идея без нее была бы ущербной. Талант писателя противился подобным купюрам» [Николаев 2011: 164]. На наш взгляд, категория «объемности авторской идеи» А. И. Николаева, упомянутая в данной цитате, является весьма удачной, поскольку дает возможность убедиться в том, что механизмы реализации политических идей в художественном тексте носят многомерный, сложный, объемный характер. Художественное произведение не может быть формальной, самоограниченной оболочкой политического послания. Политический дискурс, входя в художественное пространство беллетристики, в тесные взаимоотношения с художественным дискурсом, образует сложное идейно-образное единство с собственными законами функционирования политических идей, отличных от аналогичных в условиях поли-

тической публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. — М. : Просвещение, 1979.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М. : Прогресс, 1989.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Художественная литература, 1979. 412 с.
6. Булдаков С. К. Идейность как принцип искусства социалистического реализма. — М. : МГУ, 1978.
7. Валгина Н. С. Теория текста. — М. : Логос, 2003.
8. Галеева Н. Д. Параметры художественного текста и перевод. — Тверь : ТвГУ, 1999. 155 с.
9. Глотова Е. Ю. Художественный политический дискурс и критерии его определения // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 73-1. С. 154—158.
10. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. №2. С. 36—40.
11. Дедушкина Т. А. Жанровое пространство политического дискурса // Studia Linguistica : сборник науч. тр. — Киев : Киевский университет, 2011. Вып. 5. Ч. 2. С. 472—477.
12. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43.
13. Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Комиссарова Л. М., Панченко Н. В., Чувакин А. А. Теория текста : учеб. пособие / под ред. А. А. Чувакина. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2010. 145 с.
14. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / ИНИОН РАН. — М., 2000.
15. Климович Л. И. Историзм, идейность, мастерство. — М. : Советский писатель, 1985.
16. Крестева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. — М. : РОССПЭН, 2004.
17. Кубасов В. А. Политический дискурс в художественном электронном тексте (Владимир Сорокин в интернет-журнале «Сноб») // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 201—204.
18. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М., 2005.

19. Николаев А. И. Основы литературоведения : учеб. пособие для студентов филологических специальностей. — Ивово : ЛИСТОС, 2011. 255 с. URL: <http://www.listos.biz>.
20. Николина Н. А. Филологический анализ текста. — М. : Академия, 2003. 256 с.
21. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 35—41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ostrukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 25.04.2017).
22. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России : материалы постоянно действующего семинара. — М., 2005. Вып. 8. С. 22—26.
23. Рыбакина А. В. Проблемы политического дискурса. URL: pglu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_i_00039.pdf.
24. Самарская Т. Б., Мартыросьян Е. Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста // Сфера услуг: инновации и качество : науч.-практ. журн. — Краснодар, 2012. № 10. URL: journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf.
25. Хализев В. Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2002.
26. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
28. Юнаковская А. А. Основа политического дискурса XVIII в. (на материале архивных документов) // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. 2 Междунар. науч. конф. — Тюмень : Вектор Бук, 2015. С. 47—54.
29. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6. С. 106—110. (Филология. Искусствоведение ; вып. 88).
30. Chadwick Andrew. Studying political ideas: a public political discourse approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. P. 283—301. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00260/abstract>.
31. Dijk Teun A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.
32. Dijk Teun A. Van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11. P. 11—52.
33. Fetzer Anita, Weizman Elda. Political discourse as mediated and public discourse // Journ. of Pragmatics. 2006. № 38. P. 143—153.
34. Jorgensen M., Philips L. J. Discourse analysis as Theory and Method. — London : Sage Publications, 2002. 240 p.

Liu Hong
Dalian, China

ELEMENTS OF POLITICAL DISCOURSE IN LITERARY TEXTS: PROBLEM STATEMENT

ABSTRACT. *The problem of the definition and limits of the notion of political discourse is researched through the aspect of possibilities and means of its inclusion in literary texts. The research denies any formal or genre criterion to restrict the notion “political discourse”, it reviews several points of view upon its range of application, investigates the role of the notion “political cognition” in the aforementioned problems and attempts to prove the potential for blending artistic and political types of discourse. Common features of the two mentioned types of discourse are thoroughly researched, including the possible means of their convergence which produces stronger emotional and intellectual effect. It is argued that a political message conveyed via the literary text produces greater effect than the same message in traditional political genres. While emphasizing the potential of applying the notion “political discourse” to any text of any genre, the authors study the latest research works to find the common points in political discourse and other discourse types. The problem of political ideas functioning in literary texts is specifically studied while stating the significance of this problem in the field of literary works interpretation. Multidimensional nature of introduction of political messages in the literary texts is discusses through the system of complex relations between political ideas of a literary texts and various factors (including author’s intentions, views, cultural context, etc.).*

KEYWORDS: political discourse; political thinking; artistic discourse; literary texts; political ideas.

ABOUT THE AUTHOR: Liu Hong, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Dalian University of Foreign Languages. Deputy Head of the Leading Subcommittee on Specialty “Russian Language” at the Ministry of Education of China, Head of the Secretariat of the Leading Subcommittee; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.

REFERENCES

1. Abramovich G. L. Vvedenie v literaturovedenie. — M. : Prosveshchenie, 1979.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M., 1998.
3. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. 193 s.
4. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. — M. : Progress, 1989.
5. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1979. 412 s.
6. Buldakov S. K. Ideynost' kak printsip iskusstva sotsialisticheskogo realizma. — M. : MGU, 1978.
7. Valgina N. S. Teoriya teksta. — M. : Logos, 2003.
8. Galeeva N. D. Parametry khudozhestvennogo teksta i perevod. — Tver' : TvGU, 1999. 155 s.
9. Glotova E. Yu. Khudozhestvennyy politicheskyy diskurs i kriterii ego opredeleniya // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2008. Vyp. 73-1. S. 154—158.
10. Gulyaeva T. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy diskurs: tochki soprikosnoveniya // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. №2. S. 36—40.
11. Dedushkina T. A. Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa // Studia Linguistica : sbornik nauch. tr. — Kiev : Kievskiy universitet, 2011. Vyp. 5. Ch. 2. S. 472—477.
12. Dem'yankov V. Z. Politicheskyy diskurs kak predmet politicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskyy diskurs: istoriya i sovremennyye issledovaniya. 2002. № 3. S. 32—43.
13. Zemskaya Yu. N., Kachesova I. Yu., Komissarova L. M., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. Teoriya teksta : ucheb. posobie / pod red. A. A. Chuvakina. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Flinta : Nauka, 2010. 145 c/
14. Karasik V. I. Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa // Etnokul'turnaya spetsifika recevoy deyatel'nosti : sb. obzorov / INION RAN. — M., 2000.
15. Klimovich L. I. Istorizm, ideynost', masterstvo. — M. : Sovetskyy pisatel', 1985.
16. Kristeva Yu. Izbrannyye trudy. Razrushenie poetiki. — M. : ROSSPEN, 2004.
17. Kubasov V. A. Politicheskyy diskurs v khudozhestvennom elektronnom tekste (Vladimir Sorokin v internet-zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. S. 201—204.
18. Kubryakova E. S. O termine «diskurs» i stoyashchey za nim strukture znaniya // Yazyk. Lichnost'. Tekst : sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy. — M., 2005.
19. Nikolaev A. I. Osnovy literaturovedeniya : ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh spetsial'nostey. — Ivanovo : LISTOS, 2011. 255 s. URL: <http://www.listos.biz>.
20. Nikolina N. A. Filologicheskyy analiz teksta. — M. : Akademiya, 2003. 256 s.
21. Perel'gut N. M., Sukhotskaya E. B. O strukture ponyatiya «politicheskyy diskurs» // Vestn. Nizhnevart. gos. un-ta. 2013. S. 35—41.
22. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagiroyaniya // Politicheskyy diskurs v Rossii : materialy postoyanno deystvuyushchego seminar. — M., 2005. Vyp. 8. S. 22—26.
23. Rybakina A. V. Problemy politicheskogo diskursa. URL: pglu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf
24. Samarskaya T. B., Martiros'yan E. G. Khudozhestvennyy diskurs: spetsifika sostavlyayushchikh i osobennosti organizatsii khudozhestvennogo teksta // Sfera uslug: innovatsii i kachestvo : nauch.-prakt. zhurn. — Krasnodar, 2012. № 10. URL: journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf.
25. Khalizev V. E. Teoriya literatury. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Vysshaya shkola, 2002.
26. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
27. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.
28. Yunakovskaya A. A. Osnova politicheskogo diskursa XVIII v. (na materiale arkhivnykh dokumentov) // Politicheskyy diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy : sb. st. 2 Mezhdunar. nauch. konf. — Tyumen' : Vektor Buk, 2015. S. 47—54.
29. Yurkevich V. V. Politicheskyy i khudozhestvennyy vidy diskursa: skhodstva i razlichiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 6. S. 106—110. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 88).
30. Chadwick Andrew. Studying political ideas: a public political discourse approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. P. 283—301. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-9248.00260/abstract>.
31. Dijk Teun A. van. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse. — Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.
32. Dijk Teun A. Van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11. P. 11—52.
33. Fetzer Anita, Weizman Elda. Political discourse as mediated and public discourse // Journ. of Pragmatics. 2006. № 38. P. 143—153.
34. Jorgensen M., Philips L. J. Discourse analysis as Theory and Method. — London : Sage Publications, 2002. 240 p.